

Ю. Е. Березкин

ORCID: 0000-0001-6001-7339

✉ berezkin1@gmail.com

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
(Россия, Санкт-Петербург)*

ОЛЕНИХА И МЕДВЕДИЦА: МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ СЮЖЕТ

Аннотация. Повествования о двух занимающихся собирательством женщинах, одна из которых предательски убивает другую, после чего дети жертвы убивают детей убийцы и убегают, зафиксированы в притихоокеанских областях США, в Чако, в восточной Индонезии, в Тибете, в Восточной Африке (лишь один текст) и — без мотива убийства детей — в Западной Сибири. Протагонистами в большинстве случаев являются персонажи-животные, ведущие себя как люди. Хотя специалисты по фольклору отдельных регионов наверняка знакомы с соответствующими публикациями, данные по разным континентам еще никем не были сопоставлены. Американские версии территориально коррелируют с западной традицией черешковых наконечников, что позволяет датировать распространение сюжета в Америке началом ее заселения. Наборы мотивов в индонезийских текстах чуть ближе американским, а в тибетских — западносибирским при наличии также и эксклюзивных американских параллелей. Помимо интерпретации данных на фоне сведений о динамике заселения ойкумены, в статье затрагиваются вопросы жанровой принадлежности текстов.

Ключевые слова: фольклор индейцев Америки, фольклор Индонезии, фольклор Тибета, фольклор Западной Сибири, заселение Нового Света, межрегиональные связи в доистории, фольклорные жанры

Для цитирования: Березкин Ю. Е. Олениха и медведица: малоизвестный фольклорный сюжет // Шаги/Steps. Т. 9. № 3. 2023. С. 11–29. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-11-29>.

Благодарности. Благодарю С. Ю. Неклюдова, О. Б. Христофорову, М. В. Ахметову, Е. Н. Дувакина и особенно анонимного рецензента за критические замечания и поправки.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2022 г.

Принято к печати 10 октября 2022 г.

Yu. E. Berezkin

ORCID: 0000-0001-6001-7339

✉ berezkin1@gmail.com

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg)*

THE DOE AND THE SHE-BEAR: A LITTLE-KNOWN FOLKLORE TALE

Abstract. Folk narratives about two women who practice gathering, one of whom treacherously murders the other, and about the victim's children who kill the murderer's children and run away, are recorded in the Pacific region of the United States, in Chaco, in Eastern Indonesia, in Tibet, in East Africa (only one text) and (without the motif of killing children) in Western Siberia. The characters are mostly animal characters who behave like humans. There is no doubt that specialists who study cultures of particular regions are familiar with the relevant publications, but the transcontinental parallels for such stories have never been researched. The American versions demonstrate an area correlation with the Western Stemmed Tradition that is considered now to be as old as the Clovis tradition (13,250–12,800 cal BP) if not earlier. If so, the spread of the tale in question should be dated to the time of the initial settlement of America. The sets of motifs in the Indonesian versions are slightly closer to the American ones, while the Tibetan sets share more motifs with the Siberian tradition and have American parallels as well. In addition to the presented materials in the light of data on the settlement of the world by modern man, the author addresses questions of the genres of traditional narratives

Keywords: American Indian oral traditions, Indonesian oral traditions, Tibetan oral traditions, Western Siberian oral traditions, peopling of the New World, interregional links in prehistory, types of folktales

To cite this article: Berezkin, Yu. E. (2023). The Doe and the She-bear: A little-known folklore tale. *Shagi / Steps*, 9(3), 11–29. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-11-29>.

Acknowledgements. I am grateful to S. Yu. Nekliudov, O. B. Khristoforova, M. V. Akhmetova, E. N. Duvakin and especially to the anonymous reviewer for their critical remarks and corrections.

Received September 16, 2022

Accepted October 10, 2022

Введение

Фабула некоторых традиционных повествований относительно сложна, но выстроена, по-видимому, настолько удачно, что с трудом поддается мутациям. Возможно, поэтому существенно различающиеся варианты таких повествований немногочисленны, а сходные обнаружены за тысячи километров друг от друга. Одному из подобных сюжетов и посвящена статья.

Он малоизвестен. Специалисты по культуре отдельных регионов с ним, конечно, знакомы, но не знают о параллелях на других континентах — по крайней мере ничто не свидетельствует об обратном. Даже Р. Б. Диксон, который сам записывал фольклор калифорнийских индейцев, в обзорной работе по мифологии Индонезии не заметил либо не посчитал нужным упомянуть сходство индейских текстов с молуккскими, причем для последних в качестве односюжетных отметил сказки из Индокитая и с островов Сангихе, у которых другая фабула [Dixon 1916: 338, endnote 39].

В современной фольклористике и культурной антропологии масштабные кросскультурные исследования не популярны. Это является закономерным следствием интереса ко все более глубокому анализу культурных явлений в масштабах отдельных небольших коллективов и соответственно к оценке таких явлений самими информантами. Что-то подобное характерно для археологии. Либо вы вскрываете широкой площадью 1 га древнего поселения, либо исследуете 10 кв. м, обращая внимание на микропрослойки и привлекая химиков и биологов для проведения разного рода анализов — деньги и время, которые вам потребуются, окажутся сопоставимы. Понятно, что второй вариант перспективней, но при полном отказе от широкомасштабных раскопок определенная информация все же становится недоступной.

Если раскопки, проведенные без тонкой методики, ведут к безвозвратной утрате материала, то в фольклористике кросскультурные исследования, нацеленные на прослеживание лишь отдельных избранных элементов культуры, вполне безопасны и не мешают другим подходам. За неимением лучшего для обозначения нашего направления мы используем термин *корпусная фольклористика*. Эта субдисциплина рассматривает большие данные по живой культуре, причем не с точки зрения ее носителей и не в качестве источника сведений о нынешнем состоянии культуры, а в качестве этнографического среза традиций, уходящих в прошлое. Корпусная фольклористика отчасти сродни старой этнографии с той разницей, что объем данных увеличился на порядки, методы их обработки усовершенствовались, а представления об истории основаны теперь на совсем иной парадигме, нежели век назад. При этом корпусная фольклористика не имеет внутренних ресурсов для датирования своего материала, так что решать задачи она может только во взаимодействии с другими историческими дисциплинами.

Межрегиональные сопоставления материалов фольклора и мифологии были выведены на новый уровень после нескольких десятилетий работы над созданием соответствующей базы данных [Березкин, Дувакин б. д.]. Сейчас нами систематически прослежено распространение более трех тысяч мотивов (т. е. эпизодов, образов и реже других подверженных репликации особенностей текстов) по более чем тысяче традиций мира, и эти цифры растут. В результате появилась уверенность в том, что рассматриваемые сочетания

повествовательных эпизодов не только зафиксированы на определенных территориях, но что на остальных территориях они отсутствуют. Сами по себе далекие параллели мало что значат, если неизвестно, насколько они специфичны.

Корпусная фольклористика по своей проблематике ближе археологии, компаративной лингвистике и популяционной генетике, нежели изучению постфольклора и даже классической фольклористике XX в., хотя источники (записи текстов и описания представлений) у нас общие.

Основное содержание рассматриваемых повествований

В аналитическом каталоге фольклора и мифологии мира [Березкин, Дувакин б. д.] резюме обработанных текстов привязаны к определенным мотивам. Каждое резюме повторяется столько раз, сколько мотивов в нем выделено. В данном случае речь идет о мотивах j52 — j53c1, имеющих следующие определения.

j52. Дети убивают детей, мстя за родителей. Персонаж, почти всегда зооморфный, коварно убивает другого. Дети жертвы мстят, убивая детей убийцы. Убийца и жертва в норме — женщины, хотя в единичных случаях, в основном на окраинах ареалов распространения мотива, персонажи бывают мужчинами.

j52a. Антагонист — медведица. Медведица (редко — медведь) убивает свою спутницу или соседку, которая ассоциируется с травоядным животным или с более слабым хищником. Дети жертвы мстят, убивая детей убийцы, и/или спасаются бегством.

j52b. Герои — зайчиха или дети-зайчата. Девушка, молодая женщина либо дети, которые ассоциируются с зайцами или кроликами, являются героями-победителями или успешными трикстерами.

j53. Олениха в роли жертвы. Олениха или олень становятся жертвой антагониста (обычно крупного хищного зверя). Дети жертвы мстят убийце и/или убегают от него.

j53a. Приглашая играть, убивает. Ребенок приглашает другого играть. Тот соблюдает правила, а инициатор игры не соблюдает и убивает другого.

j53a1. Способ мести: заманить в дым и огонь. Дети убитого убивают детей убийцы, заманив их туда, где те гибнут от жара или дыма.

j53b. Груды убитой матери. Две женщины живут вместе, обе имеют детей. Одна из них выходит с другой из дома, убивает ее, приносит домой ее мясо и начинает варить. Дети погибшей замечают груди (в Америке также глаза или печень) матери, либо груди матери сами обращаются к ее детям.

j53c. Одна из подруг убивает другую. Две женщины живут вместе, обе имеют детей. Одна из них выходит с другой из дома, убивает и (позже) съедает ее. Дети убитой спасаются бегством.

j53c1. Гризли и черная медведица. Две женщины живут вместе, обе имеют детей. Одна из них убивает и (затем) съедает другую. Убийца ассоциируется с медведицей-гризли, а жертва — с медведицей менее крупного вида.

Таковы выделенные мотивы. «Сюжета» как термина в нашей системе нет, но, не претендуя на строгость определения, это слово удобно использовать в отношении размытой совокупности мотивов, формулировки которых частично пересекаются и которые чаще обычного сочетаются в одном тексте. Той совокупности мотивов, которая является темой статьи, присвоен ярлык «Олениха и медведица» (эти протагонисты фигурировали в первых обработанных нами текстах). Сюжетообразующими являются мотивы j52 («Дети убивают детей, мстя за родителей») и j53c («Одна из подруг убивает другую»). Остальные отмечают необязательные, хотя и важные для прослеживания межрегиональных связей подробности. В текстах присутствуют, разумеется, и другие мотивы из числа уже выделенных в каталоге, не говоря о тех, которые не осознаны и не прослежены (новые мотивы появляются по мере ввода нового и переосмысления уже обработанного материала). В отличие от перечисленных, подобные мотивы не обнаруживают устойчивых связей с рассматриваемым сюжетом.

Для евразийского фольклора, отраженного в указателе АТУ (Aarne — Thompson — Uther [Uther 2004]), важна категория жанра. Сказки о животных пусть и нечетко отделены от этиологических легенд, но с волшебными и бытовыми сказками их перепутать сложно. Есть, правда, исключение. Достаточно часто фабулы сказок о животных и сказок о глупом черте совпадают, а различия касаются только характера персонажей: зооморфных в одном случае и антропоморфных в другом. Это неисправимый, но не очень существенный дефект системы. Важнее другое. На периферии Старого Света и в Новом Свете жанровые различия у неисторических повествований отсутствуют как таковые. Мифологическая проза и сказки образуют единую совокупность или по крайней мере нерасчленимый континуум, а преобладание зоо- либо антропоморфных акторов является не жанровой, а региональной особенностью. Исследовать постепенный переход от жанровой системы к безжанровой, который происходит по мере удаления от зоны евразийских цивилизаций, было бы важно, но вряд ли подобная масштабная тема сейчас кого-то заинтересует.

Зооморфные акторы повествований обитателей Нового Света и евразийской периферии — это не животные, и не люди, а первопредки. Этот термин российские авторы эпизодически употребляли с конца 1930-х годов, а Е. М. Мелетинский [1963; 1968] стал использовать его особенно широко. Для фольклористики появление «первопредков» кажется не менее важным, чем для астрофизики изобретение Дж. Уилером «черной дыры». Мелетинский понимал под первопредками племенных прародителей — в основном зооморфных, причем рассматривал их в одном ряду с еще двумя типами персонажей — демиургами и культурными героями. Четких разграничительных линий между этими типами он не проводил и нередко перечислял их вместе и даже писал через тире или дефис [Мелетинский 1968: 188, 196, 207, 209–210, 337]. Ученица Е. М. Мелетинского Е. С. Котляр писала о «тотемических предках», имея в виду представления примерно того же рода в «архаических» мифологиях, которые она отличала от представлений об «антропоморфных предках» «в стадийно более развитых мифологиях» [Котляр 1975: 14–15, 34–35, 46 и далее].

Мелетинского образы первопредков интересовали как основа, на которой в дальнейшем сформировались представления о богах, а Котляр прямо связы-

вала переход от тотемических предков к антропоморфным со становлением «патриархально-родового строя». Нас интересуют не вопросы культа и ритуала и не гипотетическая эпохальная эволюция образов (а тем более форм общественной организации), но лишь сами нарративы, потенциально способные сохранять сколь угодно древнюю фабулу. Сравнение данных по разным регионам планеты показывает, что сюжеты повествований не зависят напрямую от того, являются ли участники действия животными или людьми. Репликация образов и эпизодов, их передача от поколения к поколению и от одной этнокультурной группы к другой есть процесс, в значительной мере независимый от изменений в экономике и социальных отношений.

Создание нового удачного термина важнее дефиниции его содержания, которую далее нетрудно менять. А вот отсутствие термина как такового — серьезная проблема. В нашем понимании первопредки — это не божества и не люди, но любые обитатели мира эпохи творения, сопоставимые скорее с людьми, чем с духами природы и демоническими существами. Поведение первопредков определяет особенности нынешнего мира людей, но в повествованиях не каждый из них что-то конкретно добывает и изменяет. Существеннее другое: община первопредков есть отражение реальной общины, однако в таком зазеркалье, где все возможно и проигрываются любые варианты поведения.

Во время ритуалов существа эпохи творения, которых изображают маски, фигуры и пр., возвращаются в наш мир, чтобы придать ему импульс, необходимый для дальнейшего существования. Это касается разных культур в разной степени, но австралийских, меланезийских, эскимосских и большинства индейских — безусловно. Подобные существа лишь отчасти могут быть сопоставлены с героями нарративов — хотя бы потому, что среди них есть демонические персонажи, которые первопредками в нашем понимании не являются.

Чтобы обозначенную тему можно было назвать хорошо изученной, необходимо систематическое сопоставление данных по всем культурным традициям мира, и трудов М. Элиаде здесь недостаточно. Для нас сейчас важен лишь один исследовательский аспект, а именно следующий: первопредки действуют как в космогонических, так и в приключенческих повествованиях, не включающих этиологических эпизодов, — между теми и другими нет разграничительной линии. Персонажи, носящие имена, соответствующие названиям животных (реже растений, предметов или явлений), в разных ситуациях оказываются то людьми, то животными. Их облик варьируется, но не в процессе метаморфозы, а из-за отсутствия однозначно заданных внешних черт. Другое дело, что есть традиции, для которых типичны антропоморфные первопредки. Тогда повествования могут завершаться превращением антропоморфных акторов в определенные виды животных (или в объекты ночного неба и т. п.), даже если по ходу действия никаких намеков на возможность подобной трансформации не было.

В американских вариантах сюжета «Олениха и медведица» протагонистами являются первопредки, носящие имена животных и временами оказывающиеся животными. В вариантах из Старого Света возможны отклонения от этой нормы. В некоторых молуккских обе женщины антропоморфны, хотя по крайней мере в одном протагонисты аналогичны индейским людям-жи-

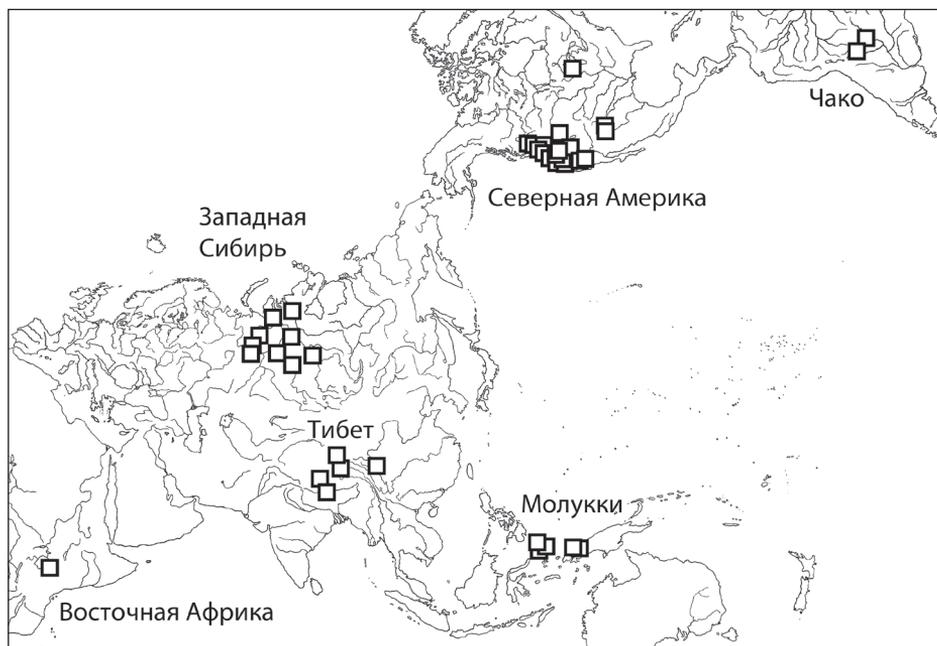
вотным. Центральназиатские варианты (тибетские и саларский) эволюционировали в направлении сказки о животных с трикстером-кроликом/ зайцем; точнее сказать, по ходу повествования протагонист из героя превращается в трикстера. В Западной Сибири персонажи являются именно первопредками, но их ассоциация с животными не всегда очевидна, а превращения героини из человека в животное тоже не происходит.

Единственный африканский вариант, записанный у нилотов календжин в Кении, типологически близок индейским (протагонисты ассоциируются с животными), однако здесь требуется оговорка. Тексты с зооморфными акторами, записанные южнее Сахары, редко содержат этиологические мотивы и в целом похожи на евразийские сказки о животных. Они бывают основаны как на мотивах, учтенных под именем сюжетных типов в указателе АТУ, так и на не отмеченных в АТУ специфически африканских мотивах. Распространенное отношение к указателю АТУ как к истине в последней инстанции, а к зафиксированным в нем жанровым делениям как к чему-то универсальному привело к тому, что жанры африканских традиционных повествований остались недостаточно изученными. Недостаточность заключается в том, что многие зафиксированные в Африке приключенческие сюжеты и даже некоторые этиологические мотивы были в разное время заимствованы из Евразии, а в пределах самой Африки происходила передача эпизодов и образов на огромные расстояния вследствие как миграций (например, переселения койсанов-скотоводов из Восточной Африки в Южную), так и культурных контактов [Березкин 2013: 61–67, 120–128, 163–226, 232–236; 2016; 2022: 158; Berezkin, Duvakin 2016]. Не учитывая межрегиональный культурный обмен, невозможно понять ход развития внутри региона, что касается, разумеется, не только Африки. Мифологическая проза, приключенческие повествования с антропоморфными протагонистами и со свойственным волшебной сказке хорошим концом (как аналогичные евразийским, так и свои) и сказки о животных в Африке, безусловно, различаются, но когда и как возникли эти различия, далеко не ясно.

Итак, во всех вариантах, независимо от региона, речь в рассматриваемом сюжете в норме идет о конфликте двух женщин, чьи образы соотнесены с животными. Одно из них обладает более выраженными повадками хищника или как минимум сильнее физически, а другое является менее агрессивным и более слабым. Есть и еще одна подробность, которая в определении мотивов не отражена, но характерна для всех без исключения вариантов. Выйдя из дома, женщины отправляются заниматься деятельностью, не связанной с сельским хозяйством. Это касается как этносов с присваивающей экономикой, так и земледельческих. Речь неизменно идет о собирательстве — рвать траву для стелек, копать корни, ловить креветок. Хотя данный факт не доказывает однозначно древность сюжета, он все же хорошо согласуется с предположением о его палеолитическом возрасте. О том же можно судить по расположению регионов, где сюжет зафиксирован: Северная Америка к западу от Скалистых гор, Чако, Западная Сибирь, Тибет, Молукки, Восточная Африка. Столь далекие связи для голоцена исключены.

Региональные варианты и межрегиональные параллели

Опишем региональные варианты, но прежде напомним, что мы не приводим ссылки на источники текстов, поскольку они содержатся в нашем интернет-каталоге под соответствующими номерами мотивов. Не имея такого ресурса, половину объема статьи пришлось бы занять библиографией. Расположение традиций на карте см. на ил. 1.

Ил. 1. Расположение традиций, в которых зафиксированы варианты сюжета «Олениха и медведица»

Fig. 1. Location of traditions in which the Doe and the She-bear story is recorded

В Северной Америке почти все записи сделаны к западу от Скалистых гор — в основном не далее 250 км от Тихого океана между 53° и 35° с. ш. Среди этнических групп, которым сюжет знаком, — с е л и ш и (шусвап, томпсон, лиллуэт, комокс, халкомелем, снохомиш, скагит, верхние чехалис, коулиц), п е н у т и (клакамас, катламет, кус, калапуя, такелма, кламат, винту, майду, нисенан, горные мивок, береговые мивок, чукчанси йокуц), юрок (алгские языки), хока (шаста, помо, яна, салинан), тихоокеанские атапаски (като, лассик, синкион), юки и ваппо (семья юки-ваппо), юто-ацтеки такийской (серрано) и нумийской (моначе, северные шошони, госиюте) ветвей, кайова-таноя (тива и тева) и западные керес (селения Акома и Лагуна). Можно не сомневаться, что у некоторых групп Калифорнии, Орегона и Вашингтона сюжет остался не записанным. Но также можно не сомневаться, что восточнее континентального водораздела он не был из-

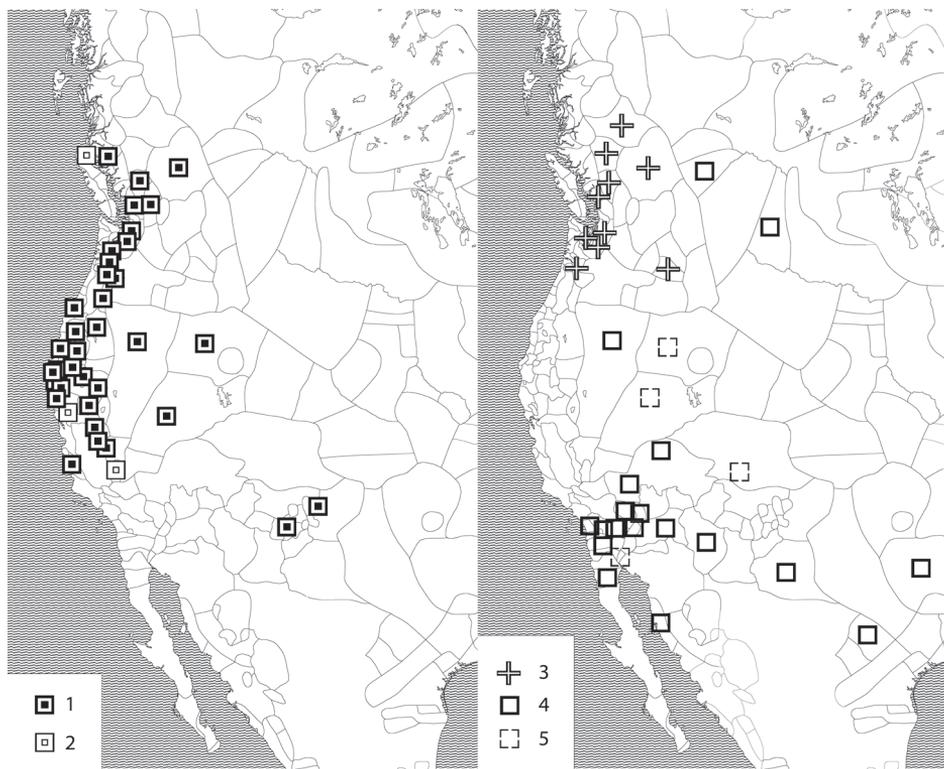
вестен. Исключение составляют алгонкины меномини штата Висконсин, что с большой вероятностью отражает факт недавней (II тыс. до н. э.?) миграции протоалгонкинов с Колумбийского плато в регион Великих озер [Березкин 2010; Васильев и др. 2015: 311–426; Berezkin 2010]. Текст ваппо, в отличие от большинства калифорнийских, не содержит мотива убийства детьми оленихи детей медведицы, но это может быть случайным отклонением от нормы (фольклор ваппо дошел до нас лишь частично).

К северу от основного массива селишских языков зона распространения «Оленихи и медведицы» обрывается. Лишь у квакиутлей зафиксирована частичная параллель: олень женат на медведице и вместе с сыном противостоит ей и ее дочерям. Этот текст содержит мотив j53 («Оленята и медвежата»), но не содержит мотивов убийства одной женщиной другой, а мотив убийства детьми других детей неясен (девочек-медвежат убивает скорее взрослый мужчина-олень, а не его сын).

Присутствующий у квакиутлей мотив j53 вновь появляется намного южнее, в центральной Калифорнии. На юге Британской Колумбии, в Вашингтоне, Орегоне и на севере Калифорнии в основном представлен вариант с мотивом j53c1, согласно которому антагонист ассоциируется с медведицей гризли, а жертва не с оленихой, а с медведицей менее крупного вида (так у эллишей томпсон, лиллуэт, халкомелем, комокс, снохомиш, скагит, а также у клакамас и кус, такелма, возможно или вероятно относящихся к семье пенути).

Североамериканский ареал рассматриваемой группы мотивов хорошо совпадает с ареалом распространения одной из двух главных палеолитических традиций континента, так называемой WST (Western Stemmed Tradition), для которой характерны двусторонне обработанные наконечники с черешком. Лучше всего изученные памятники WST обнаружены на юге Колумбийского плато, где проходит граница распространения языков селишей и пенути. Вторая традиция — это хорошо известный читателям кловис, для которого характерны двусторонне обработанные желобчатые наконечники. Кловис характерен главным образом (хотя и не исключительно) для территорий к востоку от Скалистых гор и сейчас датируется концом XII — началом XI тыс. до н. э. [Prufer et al. 2019; Waters et al. 2020]. Датировка WST долго оставалась неясной [Beck, Jones 2010: 102], но затем археологи пришли к заключению, что эта традиция по меньшей мере синхронна кловису [Bacerra-Valdivia, Higham 2020; Brown et al. 2019; Jenkins et al. 2012; Waters et al. 2018], а возможно, и на полтысячи или даже тысячу лет древнее его. Кловис возник на основе более ранних и до сих пор плохо поддающихся типологизации памятников XII–XIII/XIV тыс. до н. э., и в Евразии для него есть лишь самые общие аналогии (в частности, широкое использование орудий не только из камня, но также из кости). Для WST параллели просматриваются в притихоокеанских районах Азии (см. чуть ниже), но сказать, что ее происхождение известно, все же было бы преувеличением [Scott et al. 2021].

Плейстоценовый возраст WST делает сомнительными попытки отождествить создателей этой традиции с предками конкретных языковых семей, тем более что состав семей пенути и хока дискусионен. Но некоторая зацепка все же есть. В селишских текстах не только жертва и ее дети не ассоциируются с копытными животными (оленьями и антилопами), но в них нет и характерных

Ил. 2

1. Распространение повествований, основанных на мотиве «Олениха и медведица» на западе Северной Америки
2. То же, что в 1 — частично сходные варианты
3. Мотив космической охоты, основанный на отождествлении животного или животных с Большой Медведицей
4. Мотив космической охоты, основанный на отождествлении животного или животных с Поясом Ориона
5. То же, что в 4 — фрагментарные данные

Fig. 2

1. Places of recording of the Doe and the She-bear story in Western North America
2. As in (1) — partly similar versions
3. The Cosmic Hunt story based on the identification of one or several animals with the Big Dipper
4. The Cosmic Hunt story based on the identification of one or several animals with the Belt of Orion
5. As in (4) — fragmentary data

для более южных районов запада США мотивов j53a («Дети жертвы убивают детей убийцы во время игры») и j53a1 («Играя, они заманивают детей убийцы туда, где те гибнут от дыма и жара»). Для селишей, как уже было сказано, характерен другой мотив, j53c1, отражающий вражду гризли и черной медве-

дицы. Иначе говоря, существуют некоторые систематические различия между северными (в основном селишскими) и южными (в значительной мере пенути и хока) текстами. Территориально эти различия хорошо совпадают с ареалами двух вариантов мифа о небесной охоте, связанных с Большой Медведицей и с Орионом (ил. 2) [Березкин 2017: 95]. В Азии первый вариант небесной охоты характерен для таежной Сибири, а второй — для Саяно-Алтая и прилегающей части Центральной Азии. Это не значит, что прародины селишей и хока-пенути надо непременно искать в разных районах Старого Света. Речь о другом. Если варианты сюжета в Америке ареально совпадают с распространением очень древних языковых семей, чье родство никоим образом не прослеживается, то это свидетельствует в пользу раннего переноса данных мотивов в Новый Свет — еще в эпоху его заселения.

На то же указывают и южноамериканские параллели. WST является самым значительным и изученным, но не единственным звеном в цепи плейстоценовых памятников с двусторонне обработанными черешковыми наконечниками. Цепь таких памятников тянется от Камчатки (Ушки VII), а возможно, и от Японии по всей тихоокеанской дуге в Южную Америку [Braje et al. 2017]. Это позволяет понять, каким образом наш сюжет, в Северной Америке не пересекающий границу США и Мексики, зафиксирован еще и в Южной Америке у индейцев Чако.

Там в повествованиях чамакоко и матако убийцей является ягуар, а жертвой — гривистый волк (у чамакоко) либо олень или пума (у матако). У чамакоко все основные персонажи — мужчины, а у матако есть и женский вариант (ягуариха убивает женщину-пуму). Во всех вариантах дети жертвы заманивают детей убийцы в сухую траву и поджигают ее. Это не совсем то же, что на западе США, где дети жертвы чаще всего предлагают детям убийцы проверить, кто дольше просидит в дымной землянке или колоде, но сходства все же больше, чем с любыми вариантами из Старого Света. К ним мы теперь и обратимся.

Начнем с восточной Индонезии, где сюжет зафиксирован у неавстронезийских групп северной Хальмахеры и прилегающих небольших островов (лода, пагу, тобело), а также у австронезийцев северо-запада Новой Гвинеи в районе залива Чендравасих (Гелфинк). Связано ли проникновение сюда сюжета с распространением западнопапуасских, австронезийских или вовсе не известных нам языков, сказать трудно, но концентрация версий на относительно небольшой территории от Хальмахеры до северо-запада Новой Гвинеи сомнений не вызывает.

В большинстве индонезийских версий действуют люди, но у вамеса на юго-восточном побережье залива Чендравасих убийцей является казуариха, а жертвой — женщина-кенгуру (о каком виде конкретно речь, неясно). Специально упоминаются груди матери девочек-близнецов, которые варит ее убийца или которые дает варить ее дочерям, и эта деталь совпадает с характерной для североамериканских текстов. Такая подробность есть как у папуазычных групп с северной Хальмахеры, так и у австронезийцев залива Чендравасих, что указывает на древность мотива в данном регионе. В разных вариантах преследовательница гибнет, пытаясь преодолеть водную преграду, что опять-таки совпадает с индейскими вариантами. Для сравнения отметим, что по-

пулярнейший от Бирмы до Гуандун и Кореи сюжет преследования людоедкой дочерей съеденной ею женщины неизменно завершается не попыткой переправиться через реку, а падением преследователя с высоты.

Следующий регион, где сюжет известен, — это Тибет. Там его удалось обнаружить в собственно Тибете (Ю-Цанге), Сиккиме, Амдо и Сычуани (у хроскябов, говорящих на языке лаврунг). В фольклоре Хама сюжет нами не найден, а по Ладаху данных почти нет. Аналогичный текст записан у саларов Цинхая — потомков переселившихся сюда в XIV в. туркмен. Салары подверглись значительному тибетскому влиянию и, по-видимому, заимствовали сюжет от них. У тибето-бирманских групп северо-восточной Индии, Китая и Бирмы сюжет не выявлен, несмотря на обилие материала по некоторым традициям. Скорее всего, это значит, что он связан не с фольклором народов сино-тибетской семьи, а с местной традицией Тибетского нагорья. На каких языках говорили его обитатели до появления там предков тибетцев, сказать невозможно.

Центральноазиатские варианты отстоят от молуккских чуть дальше, чем от американских, хотя набор основных признаков (мотивы j52 и j53c) общий у всех. Мы уже говорили, что в жанровом отношении центральноазиатские тексты отчасти ассимилированы местными сказками о животных с типичным для региона зайцем-трикстером, но это поверхностное отличие. Жертвой во всех случаях является зайчиха/крольчиха (мотив j52b), а убийцей — чаще всего медведица (мотив j52a). Лишь в одном варианте из Амдо это женщина-йети, а у саларов — волчица. У лаврунг и саларов есть характерный для индейцев мотив игры как способа погубить ребенка убийцы. Дочка крольчихи предлагает дочке медведицы стрелять друг в друга, но кладет себе на грудь камень, а той — бумагу (лаврунг) либо зайчонок предлагает волчонку в шутку бороться и толкает на заранее вкопанный в землю нож (салары).

Женщина-жертва ассоциируется с зайчихой также и в Западной Сибири, к которой мы теперь перейдем.

Рассматриваемый сюжет зафиксирован как в обско-угорских, так и в самодийских традициях, а также у кетов. Во всех случаях одна женщина убивает другую, а дочь убитой спасается. Однако девочка не убивает детей убийцы, а вступает затем в конфликт с новым перерождением антагонистки, выступающей под своим прежним именем. Отсутствие мотива j52 («Дети убивают детей, мстя за родителей») в Западной Сибири отличает местные версии от всех остальных, хотя мотив конфликта между детьми жертвы и детьми убийцы у манси присутствует [Лукина 1990: 334–335, № 128]. Основная фабула западносибирских текстов вообще основана на мотиве «странствующей героини», характерном для всей территории от Приморья и Нижнего Амура до Западной Сибири [Березкин 2018; Berezkin 2019], тогда как наш сюжет лишь обозначен в завязке повествований.

История о женщине-убийце и женщине-жертве не зафиксирована у южных ханты и лесных ненцев, но поскольку данные по этим группам отрывочны, соответствующие тексты, скорее всего, просто не сохранились. У восточных и северных ханты и всех манси повествование начинается с того, что антагонистка предлагает героине скатиться с горы и либо давит ее санями, либо оставляет перед ней на склоне торчащий нож. Сам по себе эпизод ката-

ния с горы с драматическими последствиями для участников характерен для всего сибирского севера, а также саамов (мотивы l41c, m94 — m94a1), но в данном варианте он специфичен именно для ханты и манси. Это не является доказательством наличия сюжета с характерными для региона подробностями в эпоху существования праугорского языка, но упомянуть данный факт, может быть, стоит.

У восточных ханты на реке Вах и в одном из южноселькупских вариантов (т. е., видимо, по всей Оби от впадения в нее Лямина до впадения Чулыма) убийцей является лиса, а жертвой — зайчиха. Последнее обстоятельство (жертва — зайчиха) позволяет однозначно связать центральноазиатский и сибирский кластеры вариантов сюжета. У манси и северных ханты убийцей является женщина Пор, а жертвой — женщина Мось. У тундровых ненцев и энцев в этих ролях выступают демонический женский персонаж Парнэ (или некая «дикарка», «великанша», «людоедка») и земная женщина. У нгансанов, кетов и в еще одном южноселькупском тексте это антропоморфные персонажи с различными именами или вообще не названные. В североселькупском варианте Девушку убивает Лягушка, но последняя, скорее всего, перешла сюда из следующих затем эпизодов, свойственных сюжету «странствующей героини», для которого лягушка-антагонист — характерный образ.

Представление о Пор и Мось (в различных вариантах произношения и написания) как персонажах, связанных с двумя фратриями и ассоциируемых одна с медведем, а другая — с зайцем (и с некоторыми другими животными), широко отражено в литературе (например, [Кулемзин и др. 2000: 200; Петрухин 2003: 406–407; Соколова 1983: 108]. Связь Пор с медведицей подтверждается главным образом записанным на Северной Сосьве мансийским текстом о рождении медведицей первопредка фратрии Пор (хотя рожденная есть перевоплощение убитой женщины Мось) [Лукина 1990: 327–332, № 124; Хелимский 1982]. Достаточно ли этого доказательства, судить не берусь. Что касается ассоциации женщины-жертвы с зайчихой, то на нее прямо указывают упомянутые тексты восточных ханты и южных селькупов, при том, что к теме противопоставления медведя и зайца как животных, связанных с двумя фратриями, эти данные отношения не имеют.

Варианты с мотивом j53c записаны у восточных саамов. Убийцей является лягушка, она же демоническая Оадзь. Эти варианты явно восходят к западно-сибирским (мотив j52 отсутствует), находясь в ряду других сибирско-саамских параллелей [Berezkin, Duvakin 2022]. Для оценки соотношения записей на разных континентах саамские материалы добавляют немного. О восточно-африканском все важное уже было сказано. Его недостаток — в уникальности записи.

Заключение

Изложенные материалы представляют собой серьезную головоломку для каждого, кто хотел бы вписать их в определенный исторический контекст. Мы и не предполагали найти окончательное решение, а стремились прежде всего познакомить читателей с неординарным материалом. Тем не менее попробуем обобщить сделанные предположения.

Самое надежное — это связь сюжета с палеолитической традицией WST в Северной Америке. Этот факт, равно как и достаточно близкие параллели между текстами с территории США и из Чако, свидетельствуют в пользу появления сюжета в Америке не позднее XII тыс. до н. э. Предположение об обратном движении людей из Нового Света в Старый было бы безосновательным, и если сюжет оказался в Америке в эпоху ее заселения, то в Евразии он должен был быть известен еще раньше.

Следующий важный момент — связь антагонистки с медведицей. Эта связь не могла не быть утрачена в Индонезии и в Парагвае, но сохранилась повсюду, где медведи обитают и фигурируют в фольклоре. Будем считать, что фратрия Пор с медведем ассоциируется, но если бы даже это оказалось не так, тибетские материалы сохраняют свое значение. В тибетских текстах противником успешного трикстера чаще всего является тигр, а не медведь, поэтому появление в нашем сюжете медведицы не выглядит тривиальным. Скорее это след какой-то ранней традиции.

Что действительно загадочно, так это кластер восточноиндонезийских текстов. В Полинезии и Меланезии зафиксировано много мотивов, характерных для Северной Америки [Васильев и др. 2015: 438–444]. Северное происхождение австронезийцев (с Шаньдуня) [Robbeets 2017; Sagart et al. 2018] подобные параллели отчасти объясняет. Однако в Индонезии и на Новой Гвинее, где австронезийцы не заселяли необитаемые острова, а встретились с более ранним населением, принесенные ими устные традиции сохранились намного хуже. Большой интерес представляют мотивы, встречающиеся от Индонезии и в ряде случаев Новой Гвинее через Японию до северо-запада Северной Америки, такие как k4ба («Женщина зачинает от пса»), h9a («Кто родит раньше») или I105 («Невидимый крючок»). Разница лишь в том, что все подобные мотивы есть и на промежуточных территориях тихоокеанской окраины Азии, а в случае с нашим сюжетом между Колумбийским плато и Молукками зияет гигантская лакуна.

Заслуживает внимания и сам базовый сценарий конфликта между женскими персонажами, а также образ странствующей героини или двух молодых женщин. Все это более характерно для восточной, нежели для западной половины ойкумены. На западе подобные повествования тоже есть, в том числе в ранних источниках (конфликт Геры и Лето, Инанны и Эрешкигаль), но для циркумтихоокеанского мира и Сибири соответствующие ситуации типичнее. Определить, когда именно и какими путями сюжет, сохранившийся на Молукках, в Тибете и в Западной Сибири, оказался перенесен в Новый Свет создателями WST, невозможно, тем более что археологические и генетические источники, имеющие отношение к заселению Америки, все еще фрагментарны. Но то, что этот сюжет должен был появиться в Евразии не позднее финального палеолита, а, вполне вероятно, и существенно раньше, — это сомнения не вызывает.

Записанный у календжин африканский текст в силу своей уникальности еще больше затрудняет реконструкцию. Фольклор нилотов и кушитов африканского северо-востока известен плохо, по многим группам данных нет вообще. Поэтому об отношении нилотской версии к остальным ничего определенного сказать невозможно. Отметим лишь, что все мотивы, для которых есть

основания предполагать древнее африканское происхождение, относятся к числу космогонических и этиологических [Березкин 2021], приключенческих эпизодов среди них нет. Приключенческие повествования, по-видимому, являются лишь после выхода из Африки, хотя и до начала заселения Америки [Березкин 2022]. Все они касаются внутрисемейных конфликтов, и в этом смысле «Олениха и медведица» — классический пример сюжетов подобного рода.

Литература

- Березкин 2010 — *Березкин Ю. Е.* Из мифологии алгонкинов и атапасков. К реконструкции этнокультурной истории Северной Америки // Открытие Америки продолжается. Вып. 4 / [Отв. ред. Ю. Е. Березкин]. СПб.: [МАЭ РАН], 2010. С. 6–96.
- Березкин 2013 — *Березкин Ю. Е.* Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013.
- Березкин 2016 — *Березкин Ю. Е.* Азиатский след в африканском фольклоре в свете данных о трансконтинентальных связях в акватории Индийского океана во II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Зографский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Я. В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 23–44.
- Березкин 2017 — *Березкин Ю. Е.* Рождение звездного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2017.
- Березкин 2018 — *Березкин Ю. Е.* Странствующая героиня и ее братья: незамеченный сибирский сюжет // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 3 (21). С. 67–75.
- Березкин 2021 — *Березкин Ю.* Африканское наследие в мифологии // Антропологический форум. № 48. 2021. С. 91–114.
- Березкин 2022 — *Березкин Ю. Е.* После Проппа: мировое распределение популярных мотивов, отражающих конфликты внутри семьи // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 148–165.
- Березкин, Дувакин б. д. — *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Электронный аналитический каталог. [Последнее обновление в январе 2022 г.]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.
- Васильев и др. 2015 — *Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г., Пейрос И. И., Слободин С. Б., Табаров А. В.* Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Котляр 1975 — *Котляр Е. С.* Миф и сказка Африки. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1975.
- Кулемзин и др. 2000 — *Кулемзин В. М., Лукина Н. В., Молданов Т., Молданова Т.* Мифология хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000.
- Лукина 1990 — Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной; Под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука — Гл. ред. вост. лит., 1990.
- Мелетинский 1963 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во вост. лит., 1963.
- Мелетинский 1968 — *Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968.
- Петрухин 2003 — *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М.: Транзиткнига, 2003.
- Соколова 1983 — *Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983.

- Хелимский 1982 — *Хелимский Е. А.* Пор // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1982. С. 323.
- Bacerra-Valdivia, Higham 2020 — *Bacerra-Valdivia L., Higham T.* The timing and effect of the earliest human arrivals in North America // *Nature*. Vol. 584. 2020. P. 93–97. <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2491-6>.
- Beck, Jones 2010 — *Beck C., Jones G. T.* Clovis and Western Stemmed: Population migration and the meeting of two technologies in the Intermountain West // *American Antiquity*. Vol. 75. No. 1. 2010. P. 81–116.
- Berezkin 2010 — *Berezkin Yu.* Selecting separate episodes of the peopling of the New World: Beringian–Subarctic–Eastern North American folklore links // *Anthropological Papers of the University of Alaska*. Vol. 5. No. 1–2. 2010. P. 257–276.
- Berezkin 2019 — *Berezkin Yu.* The travelling girl and her helpful siblings: An unnoticed Boreal tale and the ATU index // *Folklore [Tartu]*. No. 75. 2019. P. 71–90. <https://doi.org/10.7592/FEJF2019.75.berezkin>.
- Berezkin, Duvakin 2016 — *Berezkin Yu., Duvakin E.* Buried in a head: African and Asian parallels to Aesop’s fable. *Folklore [London]*. Vol. 127. No. 1. 2016. P. 91–102.
- Berezkin, Duvakin 2022 — *Berezkin Yu., Duvakin E.* Volga-Ural and West Siberian components in the folklore of the Sámi and the Baltic Finns // *Folklore [London]*. Vol. 133. No 1. 2022. P. 47–72.
- Braje et al. 2017 — *Braje T. J., Dillehay T. D., Erlandson J. M., Klein R. G., Rick T. C.* Finding the first Americans: The first humans to reach the Americas are likely to have come via a coastal route // *Science*. Vol. 358. No. 6363. 2017. P. 592–594.
- Brown et al. 2019 — *Brown T., Gilmour D. M., Solimano P. S., Ames K.* The radiocarbon record of the Western Stemmed Tradition on the Southern Columbia Plateau of Western North America // *American Antiquity*. Vol. 84. No. 3. 2019. P. 471–494.
- Dixon 1916 — *Dixon R. B.* Oceanic mythology. Boston: Marshall Jones, 1916.
- Jenkins et al. 2012 — *Jenkins D. L., Davis L. G., Stafford T. W., Campos P. F., Hockett B., Jones G. T., Scott Cummings L., Yost C., Connolly T. J., Gibbons S. C., Raghavan M., Rasmussen M., Paijmans J. L., Hofreiter M., Kemp B. M., Barta J. L., Monroe C., Gilbert M. T., Willersley E.* Clovis age Western Stemmed projectile points and human coprolites at the Paisley Caves // *Science*. Vol. 337. No. 6091. 2012. P. 223–228.
- Prufer et al. 2019 — *Prufer K. M., Alsgaard A. V., Robinson M., Meredith C. R., Culleton B. J., Dennehy T., Magee S., Huckell B. B., Stemp W. J., Awe J. J., Capriles J. M., Kennett D. J.* Linking late Paleoindian stone tool technologies and populations in North, Central and South America // *PLoS One*. Vol. 14. No. 7. 2019. e0219812.
- Robbeets 2017 — *Robbeets M.* Austronesian influence and Transeurasian ancestry in Japanese: A case of farming/language dispersal // *Language Dynamics and Change*. Vol. 7. No. 2. 2017. P. 210–251.
- Sagart et al. — *Sagart L., Hsu T.-G., Tsai Y.-C., Wu C. C., Huang L.-T., Chen Y.-C., Chen Y.-F., Tseng Y.-C., Lin H.-Y., Hsing Y. C.* A northern Chinese origin of Austronesian agriculture: new evidence on traditional Formosan cereals // *Rice*. Vol. 11. 2018. 57. P. 11–57. <https://doi.org/10.1186/s12284-018-0247-9>.
- Scott 2021 — *Scott G. R., O’Rourke D. H., Raff J. A., Tackney J. C., Hlusko L. J., Elias S. A., Bourgeon L., Potapova O., Pavlova E., Pitulko V., Hoffecker J. F.* Peopling the Americas: Not “Out of Japan” // *PaleoAmerica: A Journal of Early Human Migration and Dispersal*. Vol. 7. No. 4. 2021. P. 309–332. <https://doi.org/10.1080/20555563.2021.1940440>.
- Uther 2004 — *Uther H.-J.* The types of international folktales: A classification and bibliography: Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Parts 1–3. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.

- Waters et al. 2018 — *Waters M. R., Keene J. L., Forman S. L., Prewitt E. R., Carlson D. L., Wiederhold J. E.* Pre-Clovis projectile points at the Debra L. Friedkin site, Texas — Implications for the Late Pleistocene peopling of the Americas // *Science Advances*. Vol. 4. 2018. eaat4505.
- Waters et al. 2020 — *Waters M. R., Stafford T. W., Carlson D. L.* The age of Clovis — 13,050 to 12,750 cal yr B. P. // *Science Advances*. Vol. 6. 2020. eaaz0455.

References

- Bacerra-Valdivia, L., & Higham, T. (2020). The timing and effect of the earliest human arrivals in North America. *Nature*, 584, 93–97. <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2491-6>.
- Beck, C., & Jones, G. T. (2010). Clovis and Western Stemmed: Population migration and the meeting of two technologies in the Intermountain West. *American Antiquity*, 75(1), 81–116.
- Berezkin, Yu. (2010). Selecting separate episodes of the peopling of the New World: Beringian–Subarctic–Eastern North American folklore links. *Anthropological Papers of the University of Alaska*, 5(1–2), 257–276.
- Berezkin, Yu. (2019). The travelling girl and her helpful siblings: An unnoticed Boreal tale and the ATU index. *Folklore*, 75, 71–90. <https://doi.org/10.7592/FEJF2019.75.berezkin>.
- Berezkin, Yu. (2021). Afrikanskoe nasledie v mifologii [African heritage in mythology]. *Antropologicheskij forum*, 48, 91–114. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2010). Iz mifologii algonkinov i atapaskov. K rekonstruktsii etnokul'turnoi istorii Severnoi Ameriki [From Algonkian and Athabaskan mythology: To the reconstruction of ethnic history of North America]. In Yu. E. Berezkin (Ed.). *Otkrytie Ameriki prodolzhaetsia* (pp. 6–96) (s. n.). (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2013). Afrika, migratsii, mifologiya. Arealny rasprostraneniia fol'klornykh motivov v istoricheskoi perspektive. [Africa, migrations, mythology. Areas of distribution of folklore motifs in historical perspective]. Nauka. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2016). Aziatskii sled v afrikanskom fol'klоре v svete dannykh o transkontinental'nykh svyaziakh v akvatorii Indiiskogo okeana vo II tys. do n. e. — I tys. n. e. [Asian trace in African folklore in the light of data on transcontinental links across the Indian Ocean, II mill. B. C. — I mill. A. D.]. In M. F. Al'bedil', & Ia. V. Vasil'kov (Eds.). *Zografskii sbornik* (Vol. 5, pp. 23–44). MAE RAN. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2017). *Rozhdenie zvezdnogo neba: Predstavleniia o nochnykh svetilakh v istoricheskoi dinamike* [The birth of the starry sky: Ideas about the night luminaries in historical dynamics]. MAE RAN. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2018). Stranstvuiushchaia geroinia i ee brat'ia: nezamechennyi sibirskii siuzhet [Travelling girl and her brothers: An unnoticed Siberian tale]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 28(3(no. 21)), 67–75. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2022). Posle Proppa: mirovoe raspredelenie populiarnykh motivov, otrazhaiushchikh konflikty vnutri sem'i [After Propp: World distribution of popular motifs that reflect intrafamily conflicts]. *Ethnograficheskoe obozrenie*, 2022(5), 148–165. (In Russian).
- Berezkin, Yu., & Duvakin, E. (2016). Buried in a head: African and Asian parallels to Aesop's fable. *Folklore*, 127(1), 91–102.
- Berezkin, Yu., & Duvakin, E. (2022). Volga-Ural and West Siberian components in the folklore of the Sámi and the Baltic Finns. *Folklore*, 133(1), 47–72.
- Berezkin, Yu. E., & Duvakin, E. N. (s. a.). *Tematicheskaiia klassifikatsiia i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam: Elektronnyi analiticheskii katalog* [The electronic analytical catalogue of folklore-mythological motifs: Thematic classification and areal distribution] (Last updated in January 2022). <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>. (In Russian).

- Braje, T. J., Dillehay, T. D., Erlandson, J. M., Klein, R. G., & Rick, T. C. (2017). Finding the first Americans: The first humans to reach the Americas are likely to have come via a coastal route. *Science*, 358(6363), 592–594.
- Brown, T., Gilmour, D. M., Solimano, P. S., & Ames, K. (2019). The radiocarbon record of the Western Stemmed Tradition on the Southern Columbia Plateau of Western North America. *American Antiquity*, 84(3), 471–494.
- Dixon, R. B. (1916). *Oceanic mythology*. Marshall Jones.
- Jenkins, D. L., Davis, L. G., Stafford, T. W., Campos, P. F., Hockett, B., Jones, G. T., Scott Cummings, L., Yost, C., Connolly, T. J., Gibbons, S. C., Raghavan, M., Rasmussen, M., Paijmans, J. L., Hofreiter, M., Kemp, B. M., Barta, J. L., Monroe, C., Gilbert, M. T., & Willersley, E. (2012). Clovis age Western Stemmed projectile points and human coprolites at the Paisley Caves. *Science*, 337(6091), 223–228.
- Khelimskii, E. A. (1982). Por. In S. A. Tokarev (Ed.). *Mify narodov mira: Entsiklopediia* (Vol. 2, p. 323). Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian).
- Kotliar, E. S. (1975). *Mif i skazka Afriki* [The myth and the folktale of Africa]. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka". (In Russian).
- Kulemzin, V. M., Lukina, N. V., Moldanov, T., & Moldanova, T. (2000). *Mifologiiia khantov* [Khanty mythology]. Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (In Russian).
- Lukina, N. V. (Trans., Intro., Notes), & Novik, E. S. (Ed.) (1990). *Mify, predaniia, skazki khandov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and the Mansi]. Nauka — Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. (In Russian).
- Meletinskii, E. M. (1963). *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arkhaischeskie pamiatniki* [The origin of heroic epics: Early forms and archaic monuments]. Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian).
- Meletinskii, E. M. (1968). "*Edda*" i rannie formy eposa [The *Elder Edda* and early forms of the epic]. Nauka. (In Russian).
- Petrukhin, V. Ya. (2003). *Mify finno-ugrov* [Myths of the Finno-Ugric peoples]. Tranzitkniga. (In Russian).
- Prufer, K. M., Alsgaard, A. V., Robinson, M., Meredith, C. R., Culleton, B. J., Dennehy, T., Magee, S., Huckell, B. B., Stemp, W. J., Awe, J. J., Capriles, J. M., & Kennett, D. J. (2019). Linking late Paleolithic stone tool technologies and populations in North, Central and South America. *PLoS One*, 14(7), e0219812.
- Robbeets, M. (2017). Austronesian influence and Transeurasian ancestry in Japanese. A case of farming/language dispersal. *Language Dynamics and Change*, 7(2), 210–251.
- Sagart, L., Hsu, T.-G., Tsai, Y.-C., Wu, C. C., Huang, L.-T., Chen, Y.-C., Chen, Y.-F., Tseng, Y.-C., Lin, H.-Y., & Hsing, Y. C. (2018). A northern Chinese origin of Austronesian agriculture: new evidence on traditional Formosan cereals. *Rice*, 11, 57. <https://doi.org/10.1186/s12284-018-0247-9>.
- Scott, G. R., O'Rourke, D. H., Raff, J. A., Tackney, J. C., Hlusko, L. J., Elias, S. A., Bourgeon, L., Potapova, O., Pavlova, E., Pitulko, V., & Hoffecker, J. F. (2021). Peopling the Americas: Not "Out of Japan". *PaleoAmerica: A Journal of Early Human Migration and Dispersal*, 7(4), 309–332. <https://doi.org/10.1080/20555563.2021.1940440>.
- Sokolova, Z. P. (1983). *Sotsial'naia organizatsiia khandov i mansi v XVIII–XIX vv. Problemy fratrii i roda* [Social organization of Khanty and Mansi in the 18th–19th centuries: Problems of the moiety and the sib]. Nauka. (In Russian).
- Uther, H.-J. (2004). *The types of international folktales: A classification and bibliography: Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson* (Parts 1–3). Suomalainen Tiedeakatemia.

- Vasil'ev, S. A., Berezkin, Yu. E., Kozintsev, A. G., Peiros, I. I., Slobodin, S. B., & Tabarev, A. V. (2015). *Zaselenie chelovekom Novogo Sveta: opyt kompleksnogo issledovaniia* [Peopling of the New World: A multidisciplinary study]. Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Waters, M. R., Keene, J. L., Forman, S. L., Prewitt, E. R., Carlson, D. L., & Wiederhold, J. E. (2018). Pre-Clovis projectile points at the Debra L. Friedkin site, Texas — Implications for the Late Pleistocene peopling of the Americas. *Science Advances*, 4, eaat4505.
- Waters, M. R., Stafford, T. W., & Carlson, D. L. (2020). The age of Clovis — 13,050 to 12,750 cal yr B. P. *Science Advances*, 6, eaaz0455.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Юрий Евгеньевич Березкин

доктор исторических наук
заведующий отделом Америки, Музей
антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 3
Тел.: +7 (812) 328-00-25
✉ berezkin1@gmail.com

Yuri E. Berezkin

Dr. Sci. (History)
Head of American Department, Peter
the Great Museum of Anthropology and
Ethnography (Kunstkamera), Russian
Academy of Sciences
Russia, 199034, Saint Petersburg,
Universitetskaya Emb., 3
Tel.: +7 (812) 328-00-25
✉ berezkin1@gmail.com